

«По лире вдохновение, по чину удовольствие»,
или Как уездное дворянское собрание
пыталось вразумить Министерство внутренних дел
Российской империи

Валерий Ф. Блохин

*Брянский государственный университет,
Брянск, Россия, blohin.val@yandex.ru*

Аннотация. Цель представленного исследования заключается в знакомстве читателей с редким документом, относящимся к истории подготовки отмены крепостного права в России. Письмо брянских дворян, датированное концом января 1858 г., было обнаружено в личном фонде сотрудника редакции «Правительственного вестника» Павла Никитича Тиханова, и до этого момента оно оставалось не известным для историков и не вводилось в научный оборот. Проблема понимания предстоящей реформы и ее последствий получила отражение в проектах, подаваемых отдельными землевладельцами, в более поздних документах губернских дворянских комитетов, но реакция на первые царские рескрипты, особенно на имя петербургского военного генерал–губернатора, нашла отражение лишь в общих оценках настроений в отчетах губернских администраций в Петербург.

Анализ взаимодействия правительственных структур и поместного дворянства возможен при использовании инструментария микроистории, в чем и может помочь рассматриваемый документ. Ценность такого рода материалов обусловлена возможностью осуществления проверки и дополнения оценок, содержащихся в исследовании процесса подготовки главной реформы XIX в. в России, в выявлении господствовавших общественных настроений в среде провинциального дворянства, его готовности следовать правительственным решениям.

Ключевые слова: отмена крепостного права в России, провинциальное дворянство, рескрипт, Министерство внутренних дел, предводители дворянства, дворянские собрания, проекты улучшения быта помещичьих крестьян

Для цитирования: Блохин В.Ф. «По лире вдохновение, по чину удовольствие», или Как дворянское уездное собрание пыталось вразумить Министерство внутренних дел Российской империи // История и архивы. 2020. № 1. С. 12–30. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-12-30

«By lyre an inspiration – by rank a pleasure»¹ or How nobility uyezd assembly tried to reason the Ministry of the Interior of the Russian Empire

Valeriy F. Blokhin

Bryansk State University, Bryansk, Russia, blohin.val@yandex.ru

Abstract. The purpose of the presented study is to inform the readers with a rare and unique document that was related to the history of preparing the abolition of serfdom in Russia. The letter from the Bryansk nobility of landowners, dated back to the end of January 1858, was discovered among the private papers of Pavel Nikitich Tikhanov, the editorial staff member of the «Pravitel'stvennyi Vestnik» («Government Bulletin»), and until the moment it has remained unknown to historians and has not been introduced into scientific use. The problem of understanding the forthcoming reform and its consequences was reflected in the projects submitted by separate landowners, as well as in the more recent documents of the gubernial (provincial) nobility committees, but the reaction to the first tsarist rescripts, especially addressed to the St. Petersburg Military Governor–General, was only reflected in the general assessments of sentiments mentioned in the gubernial administrative reports sent to St. Petersburg.

The analysis of the interaction between the government structures and the landed gentry is possible when implementing microhistory methodology, and the document under discussion can be of great use here. The value of such materials results from their ability to verify and supplement the assessments contained in the study of the process of preparing the main reform of the 19th century in Russia, in revealing the prevailing social sentiments among the provincial nobility and its willingness to follow government decisions.

Keywords: abolition of serfdom in Russia (emancipation of serfs in Russia), provincial nobility, rescript, Ministry of the Interior of the Russian Empire, marshals of the nobility, nobility assemblies, projects to improve the everyday life of landlord peasants

For citation: Blokhin, V. (2020), “ ‘By lyre an inspiration – by rank a pleasure’ or How nobility uyezd assembly tried to reason the Ministry of the Interior of the Russian Empire”, *History and Archives*, no. 1, pp. 12–30. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-12-30

¹ “By lyre an inspiration – by rank a pleasure» (По лире вдохновение, по чину удовол’ствие) – the common phrase of 19th century in Russia.

Введение

Накануне реформы отмены крепостного права в России соборания дворянства, которые являлись основной его корпоративной организацией, превратились в провинции в объект особого внимания со стороны чиновников Министерства внутренних дел. Причиной тому явилось визирование 20 ноября 1857 г. Александром II высочайшего рескрипта виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В.И. Назимову. На смену слухам и связанным с ними страхам пришел первый официальный документ, подписанный царем, свидетельствующий о том, что отмена крепостного состояния в России являлась неизбежной.

Дальнейшее развитие событий в подробностях воспроизведено самими участниками подготовки и реализации реформы, дореволюционными и советскими авторами, современными отечественными и зарубежными историками.

Поскольку в данном контексте для нас более важными являются проблемы отношений официальной власти с «деятелями сословно-дворянского направления», сошлемся на работы историков И.А. Христофорова и М.Д. Долбилова, рассмотревших динамику реформаторских и контрреформаторских тенденций во внутренней политике России.

В монографии И.А. Христофорова присутствует ряд эпизодов, связанных с деятельностью брянских и орловских дворян: В.А. Краинского, С.И. Мальцова, В.В. Апраксина в рамках Орловского дворянского комитета [Христофоров 2002, с. 64–66]. В статье М.Д. Долбилова дворяне Орловской губернии включены в число лидеров «конституционно-аристократического течения дворянства 1850 – начала 1860-х гг.» [Долбилов 2000, с. 34].

На наш взгляд, несомненный интерес представляют выводы И.А. Христофорова о направлениях дальнейших исследований аграрных реформ. Он отмечает, что «...макроподход оправдан и необходим, но должен опираться на солидную базу множества микроисследований, в противном случае он рискует вылиться в поток отвлечённых рассуждений» [Христофоров 2013, с. 41]. В нашей статье как раз и ставится задача показа восприятия потрясших страну событий на уровне некоторой части даже не губернского-провинциального, а уездного дворянства.

Свобода пуще неволи

Вслед за первым рескриптом, две недели спустя, 5 декабря 1857 г., Александром II подписан еще один такой же документ, но теперь на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора П.И. Игнатьева. В нем говорилось о желании петербургского дворянства «улучшить и упрочить быт своих крестьян точным определением их обязанностей и отношений к помещикам»². Тогда же был подготовлен циркуляр министра внутренних дел, в котором содержалось предложение губернаторам «бдительно следить за распространителями ложных известий, которые могут нарушить общественное спокойствие, и в нужных случаях принимать самые решительные меры для пресечения зла в начале»³.

Тексты рескрипта на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора и министерского циркуляра были размножены и разосланы по России 8 декабря 1857 г. Сигнал от министерства был получен, и теперь от дворян остальных территорий, где существовала крепостная зависимость, ожидалось проявление инициативы для скорейшего продвижения по стране «рескриптной кампании». В каждой из таких губерний предполагалось создать комитет под председательством губернского предводителя дворянства для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян»⁴. Для их формирования необходимо было провести уездные и губернское собрания.

Дворянские собрания: proetcontra

«Положение о порядке Дворянских собраний, выборов и службы по оным», регламентировавшее порядок избрания должностных лиц, приведшее в соответствие с государственными должностями

² С-Петербургскому военному генерал-губернатору // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1861. Т. 1. С. 4.

³ 1857 года 8 декабря № 42. Начальникам губерний // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1861. Т. 1. С. 137.

⁴ Виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1861. Т. 1. С. 2.

ми и наградами дворянскую службу, было принято еще в декабре 1831 г. Тогда же был определен круг вопросов, которые разрешалось затрагивать на собраниях. Впрочем, он не отличался от ранее разработанных регламентаций, установленных еще Жалованной грамотой дворянству 1785 г., сводясь к «выборам чиновников в разные должности»⁵. Во время так называемых «обыкновенных» собраний дворянам позволялось «делать совещания о своих нуждах и пользах и представлять об оных чрез губернского предводителя начальнику губернии, Министерству внутренних дел, а в случаях важных и приносить всеподданнейшие прошения Императорскому Величеству»⁶.

Подача прошений имела строгую процедуру. Их следовало приносить в конверте, адресованном «в собственные руки Императорского Величества», «...если же для объяснения жалобы признано будет нужным вызвать депутатов, то дворянство присылает их числе не более трех и сии депутаты имеют быть снабжены полномочием, подписанием губернским и уездным предводителями, с подробным означением в оном всех предметов, ходатайству их порученных»⁷.

Такой довольно сложный порядок был создан, в том числе для того, чтобы оградить собрания от обсуждения главного вопроса – изменения существовавших в России учреждений, являвшихся основой государственной системы. Прерогатива их постепенного совершенствования принадлежала исключительно императору.

Обыкновенные губернские собрания дворянства проходили раз в три года, обычно в декабре или январе, когда завершены все сельскохозяйственные работы, и в условиях российского бездорожья и распутицы можно гарантированно добраться до губернского центра. Уездное дворянство оповещалось за четыре месяца до намеченной даты встречи в губернии и проводило свои собрания.

На основе специального разрешения начальника губернии, по ходатайству губернского предводителя, в экстренных случаях могли собираться чрезвычайные собрания, на которых строго допускалось обсуждение только тех вопросов, ради которых они были созваны⁸. Правда, допускалось также подавать просьбы и жалобы на основаниях, одинаковых с обыкновенными собраниями.

⁵ Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 6 (1831). Ч. 2. № 4989. С. 249.

⁶ Там же.

⁷ Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным. С. 249.

⁸ Там же. С. 250.

Именно такие чрезвычайные собрания должны были состояться в губерниях, чтобы вслед за дворянством Западных и Петербургской губерний инициировать проявление активности в сторону ходатайств помещиков о начале процедуры улучшения быта помещичьих крестьян. Для правительства было очень важным добиться, чтобы такой почин исходил из самих губерний, однако при этом существовала угроза возможного превращения собраний в дискуссионную трибуну, в попытке отстоять в них позиции дворянства.

На дворянских собраниях было запрещено обсуждение предстоящей реформы отмены крепостного права, такие права были предоставлены губернским комитетам, которые состояли из выбранных представителей с мест и назначенных правительством чиновников. Эпизод с Тверским губернским собранием, на котором, несмотря на запрет, такое обсуждение состоялось, явился имевшим административные последствия исключением.

Неопределенность предписаний и смутные слухи

В царских рескриптах, направленных в провинцию, еще не использовалось слово «освобождение», речь шла об «улучшении быта», но из сопроводительной бумаги министра внутренних дел следовало, что под этим сочетанием слов подразумевалась отмена личной зависимости крестьян. В присланных текстах постановка главного вопроса – земельного – отличалась неопределенностью и противоречивостью. Историк крестьянской реформы, Л.Г. Захарова, следующим образом оценила содержание этой неопределенности: «За помещиками сохранялась собственность на землю, крестьянам предоставлялось право выкупа только усадьбы и право пользования наделом. Но каковы условия этого пользования, как надолго сохраняется надел и, главное, какова конечная цель – “вечное” пользование аналогично инвентарям юго-западных губерний или обезземеливание по остзейскому типу – эти вопросы оставались открытыми» [Захарова 1989, с. 9]. Однако смысл послания был в другом, и он для большинства заинтересованных лиц лежал на поверхности: было очевидным, что распространение реформы на другие губернии становилось неизбежным.

Доходившие в провинцию из столицы слухи, которые чаще всего вызывали у поместного дворянства чувство тревоги и беспокойства, теперь обрели реальное очертание. В Отчете за 1858 г., предоставленном III Отделением Александру II, сказано следующее: «Первые Высочайшие рескрипты об изменении крестьянского быта произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все этого распоряжения ожидали; но выраженное

официально оно озаботило даже тех, которые прежде одобряли означенную меру»⁹. Так, например, орловский, тульский, воронежский, тамбовский, калужский и курский губернские предводители даже решили конфиденциально согласовать друг с другом свои действия в отношении правительственных инициатив.

Во время состоявшейся между ними переписки орловский предводитель В.В. Апраксин отмечал отсутствие общего взгляда дворянства губернии по поводу грядущего освобождения. Однако при этом он опасался, что правительство может решить, что «мысль об изменении формы управления подчиненными крестьянами, с целью устройства и улучшения быта их, навела на нас панический страх, или, что еще хуже, не составляет для нас предмета живого интереса»¹⁰. В этом случае, по его мнению, «правительство поставлено будет в необходимости само заняться решением предложенного нам вопроса»¹¹.

В.В. Апраксин, следуя высказанным им соображениям, поспешил собрать 28 декабря 1857 г. в Орле уездных предводителей дворянства. На встрече был озвучен текст царских рескриптов и министерских предписаний, с которыми предводители в свою очередь должны были ознакомить дворянство в уездах. Датой для обсуждения полученных результатов назначено 1 февраля грядущего 1858 г.¹², но чиновники из Петербурга торопили с сообщениями о господствовавших в провинции настроениях, и уже 19 января 1858 г. в Министерство внутренних дел из Орла было доложено, что планируемое улучшение быта помещичьих крестьян встречено «...с покорностью и убеждением в необходимости введения рано или поздно этой меры повсеместно»¹³.

Однако в отчете также отмечено, что большая часть помещиков «выражает опасение за неприкосновенность прав на свою собственность, если останутся те основания, какие указаны...»¹⁴ Собственно, отчет из Орла подтверждал выводы, предоставленные царю III Отделением: «Большая часть помещиков смотрит на это дело, как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее их разорение»¹⁵, а также: «У многих таилась

⁹ Политическое обозрение за 1858 год: О крестьянском деле // Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827–1869. М., 2006. С. 475.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 1. 1857. Ед. хр. 6. Л. 4.

¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. 1857. Ед. хр. 6. Л. 4.

¹² Там же. Л. 1 об. – 2.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Политическое обозрение за 1858 год: О крестьянском деле // Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827–1869. М., 2006. С. 475.

и доселе еще таится мысль, что само правительство, увидев разные неудобства объявленной меры, может быть, ее отменит»¹⁶.

Опасения были представлены в довольно общем виде и разобраться в их сути не представлялось бы возможным, если бы не письмо брянского дворянства в адрес уездного предводителя Владимира Ростиславича Демидова. Оно было получено 31 января 1858 г. за подписью 29 брянских дворян. Копия текста была предусмотрительно сохранена попечителем хлебных запасных магазинов в Брянском уезде, коллежским регистратором Дмитрием Ивановичем Козелкиным и передана издателю первой брянской газеты «Брянский вестник» (1894–1897 гг.), собирателю древностей Павлу Никитичу Тиханову, в личном фонде которого, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге, она находится¹⁷.

Письмо, несомненно, отражает общие настроения дворянства на раннем этапе подготовки отмены крепостного права, во всяком случае, центральных губерний России. К сожалению, это редкий случай, когда подобного рода документ полностью сохранился, поскольку губернаторы старались смягчать оценки настроений, проявлявшихся на подведомственной им территории, и не были заинтересованы в распространении критических оценок деятельности правительства.

Документ интересен также тем, что критические настроения и в дальнейшем характерны для представителей брянского уездного дворянства, а такие его деятели, как С.И. Мальцов и В.А. Краинский, были известны своими оппозиционными проектами, представленными в Орловский губернский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян. Если судить по стилю и риторике письма, можно предположить, что автором его был Василий Андреевич Краинский, сменивший в 1859 г. В.Р. Демидова на посту уездного предводителя дворянства, а в 1862 г. отстраненный по суду по формальному обвинению в недостаточном внимании к дворянской опеке уезда. В.А. Краинский являлся в дальнейшем идейным соратником и корреспондентом автора знаменитого обращения к царю в 1865 г. от имени московского дворянства, тайного советника, графа В.П. Орлова–Давыдова.

Приведем полный текст письма, поскольку его автор или авторы хотели выглядеть убедительными, надеясь, что могут повлиять на предпринимаемые правительственные меры и попытались выстроить целую систему доказательств своей правоты, подчинив поставленной цели логику изложения документа.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 777 (П.Н. Тиханов). Ед. хр. 326. Л. 12–17.

«Есть ли какая возможность привести в исполнение проект в Орловской губернии?»

Этот вопрос стал ключевым для брянских дворян, подписавших письмо, и весь текст, предваряющий ответ на него, они постарались сделать убедительным, не оставлявшим сомнений в правоте и аргументированности авторских выводов.

Милостивый государь, Владимир Ростиславич!¹⁸

Получено 31 января 1858 года

Вследствие почтительного приглашения Вашего Превосходительства нам сделанного изложить мнение наше по поводу установления в С-Петербургской губернии точных и правовых отношений между тамошними помещиками и их крестьянами – имеем честь отвечать, что мы наравне со всем дворянством Орловской губернии встретили с благоговейным сочувствием обнародованный по этому предмету Высочайший рескрипт, последовавший на имя г. санкт-петербургского военного генерал-губернатора. Хотя в деле такой государственной и общественной надобности желательно было бы иметь больше времени для обсуждения такого обширного предмета, но и в краткий, данный Вами срок нескольких дней – нельзя не остановиться на вопросах первой важности, а именно: 1 – о самом происхождении известного права в России, 2 – о мерах, принятых в упразднении его как в соседственных нам государствах Европы, так и в некоторых губерниях нашего собственного Отечества, и 3 – есть ли какая возможность привести в исполнение в Орловской губернии проект, начертанный для С-Петербургской?

По первому вопросу следует обратиться к нашей отечественной истории.

Народ русский в начале своего государственного существования окружен был племенами варварскими, которых должен был истреблять, чтобы не быть от них истребленным, но принятое в России христианство уже противное пролитию крови людей беззащитных, потому предки наши, не предавая более смерти своих военнопленных – делали их рабами или холопами, селили на своих землях и крестили, отчего произошло самое название крестьянина (здесь и далее подчеркнуто в тексте письма. – В. Б.).

¹⁸ Владимир Ростиславович Демидов – брянский предводитель дворянства, а документ находится у Дмитрия Ивановича Козелкина. (По официальным данным, в 1850-е в Орловской губернии жил (и служил попечителем хлебных запасных магазинов в Брянском уезде) коллежский регистратор Дмитрий Иванович Козелкин.)

Сверх того, у помещиков было много купленных иноземных рабов, которыми даровали соседственные народы: их также селили и крестили, были и свободные поселяне, поступившие по добровольному договору со всем потомством в крепостное состояние к помещикам. Затем оставшая часть поселян в древней России, хотя сравнительно меньшая, зато более несчастная, состояла из вольных смердов, скитальцев от колыбели до могилы, переходивших от одного владельца к другому и гибнувших тысячами во время голода и других народных бедствий, когда все их покидали, а правительство не было в состоянии им помочь.

В правление, известное мудростью своих законодательных и административных мер, при царе Федоре Ивановиче, последовал государственный закон 1593 года, в котором укреплены за помещиками это бродячее население как для спасения их от конечного истребления, так и для доставления им равного благосостояния с помещичьими крестьянами. Если прибавить к тому, что большая часть нынешних государственных крестьян принадлежала также помещикам, от которых поступила во владение монастырей, а от последних отобрана в казну, дворянство русское может с благородною гордостью сказать, что оно вскорумило, воспитало и сохранило народ русский.

Если настоящее время требует начать постепенное освобождение крестьян из крепостного состояния, то дворянству же принадлежит благородное право довершить свой великий отечественный подвиг создания государственного могущества России под благодетельным покровом Самодержавной власти. Но в этом переходном состоянии необходима самая мудрая осторожность, чуждая всякой поспешности опередить время, ибо ошибки, произведенные в этом случае с самыми великодушными побуждениями – не могут быть исправлены веками.

Переходя ко второму вопросу о бывших уже примерах упразднения крепостного состояния, мы видим, что в Пруссии крестьяне всегда имели собственные свои земли, принадлежавшие им в общинном владении, особо от помещичьих, но они обязаны были барщинными работами и податями в пользу помещиков. Все эти повинности и подати выкуплены были или уступкою помещику по оценке части крестьянских земель, или денежным вознаграждением. При недостатке же собственных средств – крестьяне уплачивали помещику весь капитал при пособии ссуды, произведенной от правительства. Вся эта честная, справедливая и безобидная для обеих сторон операция произведена в период времени от 1807 по 1640 год.

В Австрии, напротив, выкуп барщинных повинностей произведен успешно наугад – что выйдет. Вся стоимость их разделена была на три части: одну треть отнесли на самих помещиков, взамен тех издержек, какие лежали на них по управлению своих имений; другую треть выдали им не государственными, не областными облигациями по номинальной цене, между тем как в обращении те не имели целой

третьей части своей ценности; наконец, остальную треть вознаграждения обязали выплатить самих крестьян, но как последние никогда не имели у себя никаких готовых капиталов, поэтому произвольная и поспешная мера австрийского правительства привела только к непрерывным продажам крестьянских и господских земель в Венгрии и Галиции, уравнив таким образом все сословия в общем разорении.

В наших остзейских губерниях уничтожение крепостного состояния произведено с самой благоразумной постепенностью, без всякого нарушения права собственности помещиков на принадлежащую им землю. Здесь, как во всех просвещенных странах Европы, предоставлена личная свобода заключения взаимных условий между землевладельцем и рабочим классом народа. Нельзя не заметить, что в Эстляндии и особенно в Лифляндии крестьяне уже вольные захотели иметь все – и права свободного сословия, обязующие их к свободному производительному труду, и все выгоды крепостного состояния, живущего с половинным трудом на счет владельца. По всей вероятности, время уравнило бы взаимные отношения обеих сторон на бесчисленные желания согласить два несочетаемых термина – свободы и выгод крепостного состояния – повели только к некоторой запутанности этого дела. Зато в Курляндии, где не было поднято этих вопросов, – все осталось в благоустроенном порядке, которому, впрочем, издавна благоприятствовала местность расселения крестьян малыми участками или фермами, которые помещики нашли выгодным отдавать крестьянам в оброчное состояние.

Все эти указания ведут к разрешению настоящего вопроса: возможно ли привести в исполнение по Орловской внутренней земледельческой губернии проект устройства крестьян по губернии Санкт-Петербургской – фабричной, заводской, торговой и приморской?

Про безвозвратную потерю половины дворянской собственности

Ответ на ключевой вопрос о возможности реализовать в Орловской губернии проект отмены крепостной зависимости, предложенный властью для столичной Санкт-Петербургской губернии, содержался в самой постановке проблемы авторами письма. Орловская губерния не являлась фабричной, не обладала такими же торговыми возможностями, и уж тем более не имела выхода к морю. Довершали аргументацию, а точнее – предваряли ее, авторские рассуждения об особенностях использования земель под огороды. За всем этим, однако, скрывалась главная проблема, обозначенная в дальнейшем тексте: будут ли крестьяне, обеспеченные землей, заинтересованы в работе на помещика? Сохранит ли поместное дворянство свои нынешние доходы?

«На первом плане представляется обязательная продажа крестьянам усадебных мест и строений, и сверх этого огородов, по мнению господина Министра внутренних дел. Но как последних в Орловской губернии в собственном смысле почти не существует, и крестьяне разводят нужные им овощи плодосменно на конопляном и зерновом поле, следственно вопрос этот упраздняется сам собою; при уступке же крестьянам усадебных мест в крепостную их собственность и всей состоящей в их пользовании земли в их же собственность фактическую – помещикам остается одно номинальное право без применения: по этому расчету с первого раза отделится безвозвратно половина дворянской собственности.

Крестьяне, навсегда обеспечившиеся и не связанные с помещиками никакими взаимными интересами перестанут отбывать урочные работы помещику, или станут работать так, чтобы господское земледелие было в убыток владельцу. После бесчисленных попыток и доказанной невозможности ежедневно судиться с крестьянами, правительство вынуждено будет, чтобы положить какой-нибудь конец беспорядкам – вызвать новый выкуп всей занимаемой крестьянами земли, который поведет в свою очередь к третьему выкупу – барщинской повинности, но с такими рассрочками, что окончательной уплате никто из ныне живущих помещиков дожидаться не может, ни сам, ни его наследники.

Затем у помещиков останется только половина их поземельной собственности, которую они должны будут обрабатывать наймом, на что нужно употребить, считая основной и оборотный капитал на коммерческом расчете, по крайней мере, еще на половину состояния из половины сохранившейся у них собственности, так что у них останется только четвертая часть их состояния и на ней все долги частные, казенные и кредитным установлениям. Такое положение равняется совершенному уничтожению дворянства. И когда совершится бедствие, угрожающее этому сословию, тогда возникнет бедствие еще большее: ничтожный продукт обеспечения, оставленный частному и общественному кредиту, на одной частице дворянского достояния, вместо целого имущества, поведет ко всеобщей несостоятельности заимодавцев, кредитных установлений и самого государства, которое не может вынести несколько лет сряду разорения помещичьих хозяйств без потери до 60 миллионов рублей серебром, выручаемых заграничною хлебною торговлею, что в общем балансе с привозом составит до 120 миллионов ежегодной утраты, не говоря уже о той более страшной крайности, если при упадке земледелия, хотя временном, у нас не достанет способов собственного продовольствия, обеспеченного, как и заграничная хлебная торговля, одними помещичьими хозяйствами. Человеку не дано изменить тех последствий, какие сами логически истекают из первоначальных причин: мудрость человеческая может только не создавать этих причин.

Но какую же пользу получают крестьяне от такого государственного, политического и общественного переворота? Нельзя сомневаться, что они будут разорены первые. По степени еще свойственного им невежества они всех скатившихся на них выкупов платить не смогут, но если бы даже захотели, то не могут, ибо потребных на то громадных капиталов само правительство не имеет: как же требовать от крестьян, чтобы они создали их из ничего? Поэтому крестьянские участки должны будут продаваться так точно, как помещичьи. Наконец, после всеобщего банкротства *несостоятельности* образуется в России, может быть лет через 60 – новое сословие землевладельцев, которых благосостояние основано будет на нищенстве дворянской и крестьянской, нельзя даже надеяться, что подобное всеобщее несчастье можно будет остановить мерою законодательною: всякое посягательство на право собственности, даже с благонамеренным побуждением – несравненно превосходит то зло, которое желают отвратить, оставляя за всеми недовольными право справедливой жалобы и тем, увеличивая сумму народных бедствий».

К проблеме первой революционной ситуации

Брянские дворяне, естественно, не могли подозревать, что позднее советские историки обозначат конец 1850-х гг. как «первую революционную ситуацию в России». Зато до них со всей очевидностью дошли нигде не публиковавшиеся, но передававшиеся из уст в уста слова, произнесенные Александром II перед московскими дворянами, и послужившие основой для советской исторической концепции: «...чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует. <...> Я думаю, что и вы одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»¹⁹. Брянские дворяне явно не разделяли опасений императора и надежд будущих историков на близость крестьянской революции.

«В настоящее время говорят, что нужно что-нибудь сделать, чтобы утешить народное волнение, но просвещенное правительство наше понимает, что никакая законодательная мера не может быть принята под влиянием народного своеволия, покамест оно продолжается. Сверх того, теперешнее волнение в народе не имеет ничего общего с благородною обязанностью дворянства упочинить благосостояние своих крестьян: это смущение произведено злонамеренными внушениями о безграничной свободе, сообразной с младенческими понятиями

¹⁹ Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.

простого народа, а именно – ничего не делать, ничего не платить и никому не повиноваться.

Таких требований никакие пожертвования прав собственности удовлетворить не может, и потому если гг. предводителям дворянства угодно будет ходатайствовать о дозволении установить правильные взаимные отношения между нами и крестьянами нашими, то смеем уверить, что благородному ходатайству их по этому предмету мы вполне сочувствуем, как разумной потребности времени, которой со всею доброю волей удовлетворяем ныне сами и готовы определить ее в неизменных формах закона, с утверждения Правительства.

Но как для обсуждения предстоящего дела еще не было разрешено созвание губернского собрания дворянства, коего постановления обязательны для всех дворян, поэтому нельзя не желать, чтобы испрошено было предварительное разрешение господина Министра Внутренних Дел – возможно ли будет благоговейно повергнуть Его Величеству всеподданнейший адрес наш об устройстве правильных отношений между нами и крестьянами нашими, с устранением вопроса об изменении поземельной помещичьей собственности, так точно как вопрос этот был изъят от всякого сумления в остзейских губерниях при освобождении тамошних крестьян из крепостного состояния. Имея такой достойный уважения пример, мы не можем решиться отыскивать неведомых ответов, когда имеем ближайшие к нам, оправданные временем и практическим применением их к делу.

Если Его Высокопревосходительство удостоит нас своим решением, тогда нужно дозволить нам достаточное число уездных дворянских совещаний для обсуждения всех местных потребностей без увлечения и поспешности, которые могут принести одни только ошибки: учреждение комитета без этих первоначальных данных – не ускорит, напротив, замедлит разрешение этого дела. По составлении проектов на уездных совещаниях и по обсуждении их со всеми местными сведениями, заимствованными от каждого помещика, уже возможно будет без всякой нескромности просить дозволения о созвании губернского собрания дворянства, которого ныне отдельно спрашиваемые личности, хотя бы обличенные общественным званием – не имеют никакого права заменить в деле, относящемся до дворянского сословия.

Губернское собрание дворянства, сосредоточив у себя подробные по губернии сведения, будет иметь уже всеми сознанную возможность благоговейно повергнуть Его Величеству всеподданнейшие предположения свои об упрочении благосостояния не одного, но обоих сословий, дворянского и крестьянского, без опасения за их общее разорение, без потрясения государственного и общественного кредита и тем исполнить благолюбивую волю Всемилостивейшего Государя во всем ее обширном и благодетельном смысле.

С истинным почтением имеем честь быть Вам, милостивый Государь, покорнейшие слуги (по листам: к сему нашему общему дворянскому письму):

Поручик Иван Климов

подпоручик Николай Васильев

поручик Александр Безобразов

подпоручик Павел Гаврилов

по уполномочию полковницы Натальи Дмитриевой Преженцовой

поручик Иван Климов

по уполномочию коллежской секретарши Настасьи Григорьевой Гавриловой – подпоручик Павел Гаврилов

по уполномочию капитанши Александры Ивановой Золотницкой – капитан Петр Золотницкий

по уполномочию полковника Константина Петровича Пременцова – поручик Иван Климов

по уполномочию коллежской регистраторши Аграфены Васильевой Надеиной – капитан Петр Золотницкий

штабс–капитан Афанасий Бахтин

по уполномочию девицы Ольги Васильевой Безобразовой – капитан Петр Золотницкий

по уполномочию поручицы Александры Егоровны – муж ее поручик Василий Краинский

титулярный советник Николай Роговцов

по личному прошению муж капитан Афанасий Бахтин

флота лейтенант Федор Потресов

штабс–ротмистр Франц Исаевич

Николай Савицкий согласен, если все одобряют

штабс–капитан Бахтин

майор Яков Гудима

коллежский секретарь Алексей Зиновьев

Капитан Вуйхман (?) (знак вопроса в копии письма. – В.Б.)

поручик Алексей Савицкий (?) (знак вопроса в копии письма. – В.Б.)»

Смиреномудрие

Рассуждения дворян о государственной политике, намеки на дискуссию с самим императором заметно напугали предводителя брянских дворян В.Р. Демидова: «Свидетельствую, что я предъявляю это письмо многим помещикам Брянского уезда, как только имел случай; но по 5 число февраля сего 1858 г. никто более не подписался. Предводитель дворянства Демидов, и как брянский помещик не изъявляю на изложенные мнения согласия, потому что они могут быть стеснительны для общего положения. Владимир

Демидов». Помимо сделанного сообщения в Орел, предводитель уездного дворянства изменил текст последней страницы письма, на которой содержались конкретные предложения брянских дворян. Теперь речь шла только о продлении сроков оповещения уездного дворянства о предстоящем губернском собрании, намеченном на 20 мая.

«К сему подшита в копии другая редакция заключения письма.

Из всех вышеприведенных обстоятельств и соображений Ваше Превосходительство легко может убедиться как многообразно и многосложно предложенное нам дело, и что само Правительство может справедливо осудить нас в поспешном разрешении такого предмета, который требует продолжительного и спокойного обсуждения, а потому смеем уверить Ваше Превосходительство, что вполне сочувствуя благим видам правительства относительно устройства быта помещичьих крестьян, как разумной потребности времени, мы вместе с тем находим справедливым в тесном смысле закона и права, чтобы все дворяне уезда участвовали в этом деле, между тем как в настоящий краткий срок не могли быть оповещены не только отсутствующие в других губерниях, но и проживающие в самом уезде и за которых никто не имеет права изъявить своего согласия.

Для точного исполнения видов правительства, мы считаем необходимым и справедливым иметь честь просить Ваше Превосходительство ходатайствовать чрез высшее начальство о дозволении нам немедленного вызова всех дворян уезда на 20 число мая месяца сего года и достаточного числа дворянских уездных совещаний для обсуждения всех местных потребностей и способов прочного устройства предложенного нам дела, по крайней мере в продолжение некоторого времени по составлении проектов на уездных совещаниях и по обсуждении их со всеми местными сведениями, заимствованными от каждого помещика уже возможно будет без всякой нескромности просить дозволении о созвании губернского собрания дворянства, которого ныне отдельно спрашиваемые личности, хотя бы обличенные общественным званием, не имеют никакого права заменить в деле, относящемся до каждого члена дворянского сословия.

Губернское собрание дворянства, сосредоточив у себя подробные по губернии сведения, будет иметь уже всеми сознannую возможность благоговейно повергнуть всеподданнейшие предположения свои об упрочении взаимного благосостояния обоих сословий, дворянского и крестьянского, без опасения за их общее разорение, без потрясения государственного и общественного кредита и тем исполнить благолюбивую волю Всемилостивейшего Государя во все ее обширном и благодетельном смысле.

С глубочайшим уважением имеем честь быть Вашего превосходительства покорнейшие слуги (подписали):
Поручик Иван Климов
капитан и кавалер Дмитрий Кузьмин
коллежский секретарь Алексей Федоров Зиновьев
майор Александр Правиков
по доверенности коллежской регистраторши Аграфены Васильевой
Надеиной – капитан Петр Иванов Золотницкий
капитан Аркадий Правиков
коллежский секретарь Николай Васильев Пантин
подпоручик Павел Михайлов Гаврилов
поручик Алексей Савин
поручик Александр Николаев Безобразов
флота лейтенант Федор Васильев Пётрсов
по доверенности жены моей Александры Яковлевой Ганич – капитан
Федор Крестьянович (sic) Ганич
коллежский регистратор Сергей Алексеев Латушкин
коллежский регистратор Гаврилов
штабс-капитан Афанасий Бахтин
коллежский секретарь Николай Лукашов
по доверенности штабс-капитанши Авдотьи Судейкиной – капитан
Федор Крестьянович Ганич
по доверенности жены моей Александры Алексеевой – штабс-капитан
Афанасий Бахтин
по доверенности полковницы Натальи Дмитриевой Пременцовой –
поручик Иван Климов
по доверенности ротмистра Николая Иванова Бахтина – коллежский
секретарь Алексей Зиновьев
по доверенности майорши Федосьи Ильиной Гудимы – поручик Алек-
сандр Николаев Безобразов
по доверенности капитанши Александры Ивановой дочери Золотниц-
кой – капитан Дмитрий Кузьмин
по доверенности коллежской секретарши Настасьи Григорьевой Гав-
риловой – подпоручик Павел Гаврилов
по доверенности подпоручицы Ольги Петровой Орденовой – коллеж-
ский секретарь Алексей Федоров Зиновьев
по доверенности матери моей коллежской ассессорши Латушкиной –
сын ее коллежский регистратор Сергей Алексеев Латушкин
по доверенности матери моей поручицы Варвары Савицкой – сын ее
дворянин Николай Савицкий
по доверенности жены моей поручицы Александры Егоровой – муж ее
поручик Василий Краинский
коллежский регистратор Николай Талпыгин
губернский секретарь Василий Надеин

1858 года февраля 22 дня удостоверяю действительность подписей рук.
Брянский уездный предводитель дворянства Владимир Демидов».

Под письмом в новой редакции также было собрано 29 подписей, но при общем совпадении фамилий его пописавших дворян, всё же было 9 расхождений. Подверженный правке документ был помечен новой датой – 22 февраля 1858 г., т. е. прошел почти месяц со времени составления первого письма.

Заключение

Одной из важных составляющих крестьянской реформы 1861 г. явилась проблема различного понимания грядущих перемен и их последствий. Практика секретных комитетов, при помощи которых во времена Николая I и в начале царствования Александра Пвласть готовила преобразования в аграрных отношениях, неминуемо порожидала огромное число слухов и предположений и в среде крестьянства, и среди поместного дворянства. Собственно секретность проводимых обсуждений и выносимых в их ходе решений должна была обеспечить предотвращение тревожных настроений, но эффект получался совершенно противоположный.

Большое количество дворянских проектов и пожеланий, созданных в процессе подготовки реформы, свидетельствует о том, что главные проблемы готовившихся преобразований находились не в плоскости борьбы реформаторов и крепостников, а в противоречиях, вытекавших из практики функционирования помещичьих хозяйств, личного опыта помещиков и компетенции реформаторских предположений.

Это не означает, что в среде поместного дворянства не было значительного числа тех, кто вообще отрицал необходимость отмены крепостного права, ведь реформа практически при любых обстоятельствах должна была сказаться на благополучии многих представителей высшего российского сословия. Однако поскольку с самого начала работа над будущей реформой проходила при непосредственном участии царя и членов его семьи, решиться на открытое противостояние сторонники сохранения прежних отношений в деревне не посмели.

Позднее, с созданием губернских дворянских комитетов, центр реформаторских коллизий переместился туда, но и в этой ситуации речь скорее шла о более и менее радикальных преобразованиях, а не отказе от них вообще. Поэтому фиксирование каждого из проявлений отдельных фактов «прорыва наружу» оппозиционности на ранних стадиях подготовки реформы имеет особое значение для

объективной оценки ситуации, в которой происходила разработка предстоящих преобразований.

Письмо брянских дворян, адресованное своему предводителю, а на самом деле преследовавшее цель явиться своеобразным сигналом из провинции для верховной власти, в итоге не достигло ожидаемого его авторами результата. Однако оно помогает нам на микроуровне выявить реальное взаимодействие правительственных структур и поместного дворянства.

Литература

- Долбилов 2000 – Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 32–50.
- Захарова 1989 – Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24.
- Христофоров 2002 – Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам: конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. 441 с.
- Христофоров 2013 – Христофоров И.А. Российская деревня и аграрные реформы в зеркале микро- и макроистории // Российская история. 2013. № 1. С. 33–47.

References

- Dolbilov, M.D. (2000), “Class program of the noble ‘oligarchs’ in the 1850–1860s”, *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 32–50.
- Zakharova, L.G. (1989), “Autocracy, bureaucracy and reforms of the 60s of the 19th century in Russia”, *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 3–24.
- Khristoforov, I.A. (2002), “*Aristokratsicheskaya*” *oppozitsiya velikim reformam. Konecz 1850 – seredina 1870-x gg.* [The “aristocratic” opposition to the great reforms. Late 1850 – mid 1870s]. Moscow, Russia.
- Khristoforov, I.A. (2013), “Russian village and agrarian reforms in the mirror of micro and macro history”, *Rossijskaya istoriya*, no. 1, pp. 33–47.

Информация об авторе

Валерий Ф. Блохин, доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет, Брянск, Россия; 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; blohin.val@yandex.ru

Information about the author

Valeriy F. Blokhin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Bryansk State University, Bryansk, Russia; bld. 14, Bezhitskaya Str., Bryansk, Russia; blohin.val@yandex.ru